

Теоретические и описательные исследования

В.А. Бондарь

Становление предпрошедшего времени в германских языках: опыт сравнения древнеанглийского и древнесаксонского

В статье на материале выборки из отдельных произведений рассматриваются функционально-семантические особенности конструкции *haefdon*+второе причастие в древнеанглийском и *habdun*+второе причастие в древнесаксонском языках. Результаты полученного анализа интерпретируются в рамках теории грамматикализации, что позволяет наметить пути развития перфектного значения конструкции, а также решить вопрос относительно того, выражала ли данная конструкция на этом этапе развития таксисные отношения, что свойственно для современного английского предпрошедшего времени.

Ключевые слова: предпрошедшее время, перфект, результатив, претерит, грамматикализация, таксис.

0. Вводные замечания

Возникновение, развитие и функционирование перфекта в германских языках сопряжено с множеством вопросов, которые по сей день остаются нерешенными. Несмотря на очевидное, никем не оспариваемое развитие перфекта, который в современном английском языке является «образцовым» представителем данной категории, из сочетания глагола обладания HAVE и прошедшего причастия (Смирницкая¹, Ильиш², Маслов³, Traugott⁴, Bybee⁵, Mitchell⁶), проблема перехода данной конструкции в аналитическую с утратой глаголом обладания своего лексического значения, а также семантические сдвиги и механизмы, которые лежали в основе данного перехода, как и функциональные характеристики конструкции на ранних этапах ее существования вызывают серьезные разногласия среди лингвистов. По каждому из ключевых моментов развития и функционирования перфекта исследователи занимают различные,

порой прямо противоположные позиции. Наиболее интенсивно данные споры ведутся относительно западногерманских языков. Так, некоторые заявляют, что на ранних этапах развития конструкции в древнеанглийском языке мы должны говорить лишь о начале процесса грамматикализации посессивного глагола (Carey⁷, Hoffmann⁸, Visser⁹). При этом HAVE с причастиями от глаголов говорения и восприятия, а также глаголов, выражающих ментальную деятельность (mental activity verbs), по-прежнему следует рассматривать как конструкцию со статальной семантикой, несмотря на высокую степень грамматикализации посессивного глагола (Carey¹⁰). Отсутствие неопределенных глаголов, низкая степень парадигматизации конструкции, тенденция к употреблению с наречиями настоящего времени таких как *nu* «теперь», «сейчас», а также незначительное количество примеров употребления с временными адвербами, такими как *siddan* «с тех пор», «после», свидетельствуют в пользу того, что значение предшествования (anterior meaning), которое является главным признаком перфекта, не было характерно для анализируемой конструкции на данном этапе ее развития. Наличие примеров с согласованием по роду и падежу причастной глагольной формы и объектной именной (местоименной) формы, что прослеживается в древнеанглийских текстах даже в поздний период – XI в., также служит косвенным доказательством того, что конструкция обладала результативной статальной семантикой, хотя подобного рода примеры и находятся в явном меньшинстве (ср., например, Mitchell¹¹).

Тем не менее, возникновение видо-временной функции у сочетаний посессивного глагола с прошедшим причастием, по мнению О.А. Смирницкой, все же следует отнести к ранним этапам истории отдельных германских языков (Смирницкая¹²). Некоторые исследователи в этом отношении идут еще дальше, утверждая, что уже в ранних древнеанглийских текстах HAVE и прошедшее причастие ведет себя как вполне сформировавшийся перфект в современном английском языке. В пользу данной точки зрения выдвигаются такие аргументы как употребление с данной конструкцией низкоагентивных подлежащих, кореферентность подлежащего и агенса, крайне низкое количество примеров, в которых HAVE выражает непосредственно посессивное значение, а также употребление интранзитивных и неэргативных глаголов и наличие безобъектных примеров с транзитивными глаголами (Brinton¹³, Wischer¹⁴, Lee¹⁵). Иными словами, так называемый переход к значению предшествования (anterior drift) полностью завершился уже в древнеанглийский период. При этом даже функционально, такой перфект, по мнению некоторых исследователей, занимающих «перфектную» точку зрения, ничем не отличался от современного английского пер-

фекта, т.е. обладал основными его значениями (Lee¹⁶). Следует сразу отметить, что, во-первых, данные выводы основаны на результате анализа поэтического материала и, во-вторых, сам анализ исходит из той предпосылки, что априори морфосинтаксически конструкция ведет себя как перфект, что, как мы указали выше, не всегда верно. И, наконец, без учета всего спектра синтаксических и морфосинтаксических характеристик употребления конструкции мы рискуем просто обнаружить некоторые инвариантные контексты, в которых функции перфекта и результатива будут пересекаться, что вполне очевидно для примеров употребления перфекта в его результативном значении. При таком подходе, взятый в оторванном контексте пример на экспериенциальное значение конструкции, вполне может оказаться неправильной интерпретацией данного контекста, что также легко может произойти вследствие того, что мы имеем дело с древним текстом, многие характеристики которого (построение текста, выражение смысловых единиц, особенности внутритекстовых связей и проч.) нам по-прежнему неизвестны. Эти аспекты не учитываются в тех случаях, когда некоторые примеры с анализируемой конструкцией в древнеанглийском, которая морфосинтаксически оформлена как результатив, современным носителем английского, как утверждает Л. Бринтон, легко прочитываются как перфект. Отсюда появляется некое интуитивное доказательство того, что HAVE с прошедшим причастием в этот период семантически ничем не отличается от перфекта, а разница лишь сводится к расхождению в функциональных характеристиках (Brinton¹⁷).

Как уже отмечалось выше, для определения степени аналитичности конструкции разработаны различные критерии: морфосинтаксический анализ, определение позиционных особенностей конструкции, сочетаемость с субъектами, семантика которых не соотносится с понятием обладания и объектами, которыми нельзя обладать, наличие или отсутствие наречий способа действия, характеристики дополнений, семантическая характеристика причастий, входящих в конструкцию и т.д. (см. Denison¹⁸ для древнеанглийского, Oubouzar¹⁹ для древневерхненемецкого, Смирницкая²⁰ для древнеисландского). Однако мы полагаем, наряду с формальными синтаксическими и морфосинтаксическими критериями необходимо использовать и функционально-семантический подход. Выявление функциональных особенностей конструкции также едва ли может быть единственным и исчерпывающим критерием в определении степени аналитичности конструкции, однако, при этом может стать неотъемлемой частью общего анализа и являться дополнительным свидетельством в пользу того или иного взгляда на суть анализируемой конструкции. Иными словами, исследование функциональ-

ных особенностей, на наш взгляд, может пролить свет на семантику анализируемой конструкции. Принимая во внимание вышесказанное, мы остановим свой выбор на двух древнегерманских языках, а именно, древнеанглийском и древнесаксонском и посмотрим, какими функциональными характеристиками обладала конструкция с прошедшим посессивным глаголом и прошедшим причастием, т.е. то, что в современном английском известно как Past Perfect (предпрошедшее время).

1. Материал и цели исследования

Вопрос, связанный с данной конструкцией упирается в ее семантику, а именно, можем ли мы утверждать, что уже в древнеанглийском *haefdon*+второе причастие являлось плюсквамперфектом по своим функционально-семантическим характеристикам. Как известно, плюсквамперфект отличается от презентного перфекта своей основной функцией, а именно указанием на то, что действие было завершено или состояние достигнуто до момента отсчета в прошлом (см. Comrie²¹). При этом категория перфекта выражается собственно презентным перфектом, а плюсквамперфект является чистым таксисом, т.е. указывает на предшествование (Плунгян²²). В целом, можно утверждать, что семантика современного английского плюсквамперфекта менее сложна по сравнению с семантикой презентного перфекта, так как она обладает меньшим количеством ограничений на употребление, доказательством чему может служить, например, употребление плюсквамперфекта с наречиями прошедшего времени. Однако при использовании плюсквамперфекта возникают иные трудности, которые заключаются в том, что в игру вступают прагматические аспекты, которые могут определять выбор либо прошедшего времени, либо предпрошедшего, тем самым делая грамматическое маркирование некоторых контекстов излишним. Более того, это дает основание некоторым исследователям утверждать, что «факультативность такого маркирования, которое было характерной чертой древнеанглийского, в какой-то степени сохранилось и в современном английском языке» (MacLeod²³). Таким образом, косвенно утверждается, что таксисная функция современного английского предпрошедшего времени уже могла использоваться древнеанглийской конструкцией *haefdon*+второе причастие.

Что касается современного английского, действительно, в ряде контекстов можно наряду с предпрошедшим использовать простое прошедшее время в связи с тем, что сам контекст позволяет логически интерпретировать предшествование одного действия другому. Данное правило, в частности, срабатывает в сложноподчиненных

предложениях времени с союзами *before* и *after*, которые своей семантикой указывают на то, какое действие происходит первым. Но действует ли это правило в древнеанглийском и древнесаксонском языках, имеем ли мы дело с плюсквамперфектом в его функционально-семантическом аспекте, употребление которого было обусловлено определенными прагматическими факторами или следует говорить об отдельном статусе конструкции, что и определяло ее особые функционально-семантические характеристики, отличные от предпрошедшего времени, в современном английском? Чтобы ответить на данные вопросы, мы взяли ряд древнеанглийских текстов («Католические Гомилии I и II» аббата Эльфрика, отдельные гомилии и письма Эльфрика, гомилии Вульфстана), а также древнесаксонскую поэму «Хелианд».

Сопоставление функций аналогичных конструкций в родственных языках позволит нам понять, насколько близко в функционально-семантическом плане находились анализируемые конструкции в данных двух языках. Древнеанглийские тексты относятся к X–XI вв, древнесаксонская поэма «Хелианд» датируется IX веком. Необходимо оговорить, что вопрос относительно диахронического развития функционально-семантических характеристик анализируемой конструкции в рамках древнеанглийского периода нами намеренно в данной статье не исследуется. Все выводы будут касаться непосредственно позднедревнеанглийского периода времен аббата Эльфрика и Вульфстана. Для древнесаксонского языка данная проблема не возникает в связи с ограниченным выбором дошедших до нас произведений. В целом, стоит также отметить, что вопрос относительно уровня грамматикализации конструкции *hebbian* с прошедшим причастием в древнесаксонском в какой-то мере аналогичен тому, который мы наблюдаем в древнеанглийском. При этом, однако, крайне низкая частотность флектированных причастий, зафиксированных с данной конструкцией, заставляет ряд исследователей, например, Ш. Уоттс, утверждать, что в древнесаксонском перфект развился гораздо полнее, чем в других германских языках (Watts²⁴).

2. Анализ древнеанглийского материала

В древнеанглийских произведениях анализируемая конструкция встречается в различном синтаксическом окружении: в главных и придаточных частях сложноподчиненных предложений, в сложносочиненных предложениях, соединенных союзами «и», «но», а также в простых предложениях. Из придаточных сложноподчиненных предложений можно выделить следующие: причины, времени, дополнения, определения, образа действия.

Рассмотрим более подробно употребление конструкции в придаточных предложениях времени, поскольку именно в данном типе предложений наиболее четко проявляется таксисная функция плюсквамперфекта. В древнеанглийском мы выделили два вида сложноподчиненных предложений времени, а именно, 1) придаточное предложение вводится союзом *þa* или *þa þa*, при этом главное предложение остается без союза. Например, *Sigefæst wæs crist þa ða he ðone miclan deoful oferwan: and us generode* «Победоносным был Христос, когда он одержал победу над сильным дьяволом и нас спас»; 2) в главном и придаточном предложении вводится союз *þa* или *þa þa*, которые обозначают последовательность действий – «когда...тогда». Например, *Pa ða he genealæhte. þa acsode se hælend hine...* «Когда он приблизился, тогда спросил его Спаситель...» Итак, какие формы глаголов встречаются в обоих случаях? В первом типе придаточных предложений времени в нашей выборке употребляются следующие глагольные формы: претерит (150 случаев употребления), пассивная форма претерита (28 случаев употребления), претерит с приставкой *ge* – (34 случая употребления), глагол *weardan*+причастие II (6 случаев употребления), *hæfdon*+второе причастие (5 случаев употребления).

Как показывает статистика, большинство примеров приходится на употребление претерита. Здесь же следует отметить, что претерит с приставкой *ge*- был выделен отдельно, чтобы посмотреть, насколько его функции отличны или наоборот пересекаются с анализируемой конструкцией. В целом, довольно сложно говорить однозначно о каких-либо определенных функциях данной приставки. Так, с одной стороны, в ряде работ, посвященных функциональным особенностям данной приставки в древнеанглийском, предпринимается попытка показать, что ее семантика не связана ни с перфектным, ни с перфективным полями (см., например, Scherer²⁵). С другой стороны, в исследованиях Т. Макфаддена на примере обширной выборки из древнеанглийских текстов делается вывод о наличии тенденции к употреблению глаголов с приставкой *ge*- в контекстах, которые предполагают результативность и искомое (целевое) состояние (*target state*) (McFadden²⁶). В свою очередь, М. Годден утверждает, что «приставка *ge*- во многих случаях стала вполне нефункциональной ко времени Эльфрика» (Godden²⁷). С одной стороны, действительно, ряд глаголов в произведениях Эльфрика используются исключительно с приставкой *ge*-, например, *gehyran* «слышать», *geseon* «видеть». Однако, в ряде случаев прослеживается варьирование глаголов с данной приставкой и симплексных глаголов, которое сводится к выделению в определенных контекстах способа действия глагола с указанием на результативность действия, о чем писал Т. Макфадден: *æt*

vs geæt «съел», *sæton vs gesæton* «сели», *bæd vs gebæd* «молился», «попросил». Иными словами, данная приставка является своего рода показателем внутренней семантики глагола, передающей предельность, конечность, завершенность действия. При этом, несомненно, сведение функций данной приставки к аспектуальному разграничению глаголов, наподобие видовых различий в славянских языках, неверно. Даже беглый взгляд на древнеанглийский текст покажет, что грамматического маркирования совершенного вида с помощью данной приставки не существовало: множество контекстов, в которых должен употребляться глагол совершенного вида, используют бесприставочные глаголы и наоборот.

В этой связи интересен подход к объяснению функциональных особенностей приставки *ge-* и ее дальнейшее исчезновение, принятый в рамках теории языкового изменения как усиления или ослабления. Так, автор работы Ф. Тробевшек-Дробнак отмечает, что исчезновение приставки *ge-* указывает на преобладание тенденции экономизации языковых средств выражения над тенденцией придания сообщению большей четкости и подробности. При этом результаты исследования указывают на то, что глаголы с приставкой *ge-*, как правило, находились в комплексном грамматическом окружении (в придаточных предложениях, в непрезентных временах, неизъявительном наклонении и проч.) и могли выполнять ряд функций, что, по всей видимости, отвечало запросам языковой экономии и являлось компромиссом между весом грамматической информации и длиной высказывания (Trobevšek-Drobnak²⁸). Важным является здесь указание на то, что глаголы с приставкой *ge-* могли использоваться как экономичное средство выражения того или иного грамматического явления, хотя и в ущерб более четкому пониманию контекста.

А раз так, тогда можно предположить, что в ряде контекстов глаголы с приставкой *ge-* могли заменять любое другое лексическое или грамматическое средство выражения результативности, завершенности действия. Кроме того, необходимо отметить, что приставка *ge-* представляла не грамматическую категорию вида (грамматическую морфему), но скорее относилась к лексическим средствам, определяющим способ действия глагола, т.е. его *Aktionsart*, а именно различные оттенки завершенности и/или результативности действия среди прочих других смысловых оттенков. При этом, если конструкция с посессивным глаголом в ее статальной результативной семантике обладала аналогичными функциональными особенностями, что мы рассмотрим ниже, то не исключено, что на раннем этапе она могла находиться в определенных дистрибутивных отношениях с глаголами с приставкой *ge-*.

Перейдем к рассмотрению распределения глагольных форм во временных предложениях второго типа. Здесь, в отличие от предложений первого типа, важным является также форма глагола, употребленная в главном предложении. Итак, анализ употребленных форм позволил выделить следующие типы сочетаний глагольных форм в главном и придаточном предложениях:

Таблица 1. Распределение глагольных форм в сложноподчиненных предложениях времени

Придаточное предложение	Главное предложение	Кол-во
простое прошедшее (претерит)	простое прошедшее (претерит)	51
претерит с приставкой ge-	простое прошедшее (претерит)	30
простое прошедшее (претерит)	претерит с приставкой ge-	20
претерит с приставкой ge-	претерит с приставкой ge-	11
hæfdon +причастие II	простое прошедшее (претерит)	8
hæfdon +причастие II	weardan + причастие II	1
претерит с приставкой ge-	прошедший пассив	1
простое прошедшее (претерит)	прошедший пассив	1
прошедший пассив	простое прошедшее (претерит)	19
weardan + причастие II	простое прошедшее (претерит)	4
простое прошедшее (претерит)	weardan + причастие II	4
прошедший пассив	weardan + причастие II	1
weardan + причастие II	претерит с приставкой ge-	2
претерит с приставкой ge-	weardan + причастие II	2

Из таблицы видно, что в анализируемых сложноподчиненных предложениях существует широкий выбор глагольных форм, среди которых на употребление *hæfdon*+причастие II приходится 9 примеров, что составляет 5,7% от общего числа глагольных форм. Если же мы сопоставим исключительно прошедшее время с анализируемой конструкцией, убрав пассивные формы и считая префиксальные и беспрефиксальные претериты частью одной группы, общая доля употребления конструкции составит 6,8%, что по-прежнему является достаточно низким показателем. Для сравнения, доля симплексных претеритов составляет 57,6%, а при условии объединения их с приставочными глаголами общее количество возрастает до 90,6%. Кроме того, что анализируемая конструкции представляет сравнительно небольшую долю от общего числа употребления глагольных форм, она не зафиксирована в главных предложениях, т.е. употребляется в тех контекстах, которые четко указывают на то, что данное действие предшествует тому, которое выражено любой другой глагольной формой в последующей клаузе.

Рассмотрим подробнее данные примеры.

- (1) Ða ða hi ealle. **hæfdon** þisne ræd betwux him **gefæstnod**. þa **becom** godes grama ofer him eallum...

- «После того как они друг другу **выразили** свою решимость, Божий гнев **обрушился** на них всех...»
- (2) Ða ða he þus þriwa **gedon hæfde**. þa **het** he unwindan þæs cnihtes lic. and cwæð...
«**Сделав** это таким образом трижды, он **приказал** развернуть тело юноши и сказал...»
- (3) Ða ða hi ðis **gedon hæfdon**. þa **underfengon** hi eft godes gyfe....
«Как только они это **сделали**, сразу же на них **снизошла** благодать Господа...»
- (4) Ða ða se simeon **hæfde gewitegod** þas witegunge be criste: þa **com** þær sum wuduwe seo wæs anna gehaten.
«Когда Симеон **произнес** данное пророчество о Христе, тогда **пришла** некая вдова, которую звали Анна»
- (5) Ða ða adam **agylt hæfde**. ða **cwæð** se ælmihtiga wealdend him to.
«Когда Адам **согнулся**, тогда **сказал** всемогущий Господь ему»
- (6) ða ða drihten **hæfde** þas word **gesprecen**. þa **wearð** he **genumen** to heofonum...
«Когда Господь речь **произнес**, тогда **вознесся** он на небеса...»
- (7) Ða þa zacheus crist **geladod hæfde**. þa **astod** he ætforan him...
«Когда Закхей Христос **пригласил**, тогда **предстал** он перед ним...»
- (8) Ða ða se engel ðus **gereht hæfde**. ða **offlicode** me dearle þæt ic eft to ðam lichaman sceolde fram ðære stowe wynsumnysse.
«Когда ангел об этом **возвестил**, тогда мне очень **не понравилось**, что я должен в то тело возвратиться из этого места райского»
- (9) Ða ða hi ðis **gedon hæfdon**. ða **cwædon** hi eft;
«Когда они это **сделали**, тогда сразу же **сказали** они»

В современном английском употребление плюсквамперфекта в придаточных предложениях времени не является факультативным в том случае, когда между действиями в придаточном и главном предложениях существует некая каузальная, причинно-следственная связь. Например,

- (10) When I **had opened** the window, the cat **jumped out**.
«Когда я **открыл** окно, кот **выпрыгнул**»

В (10) одно действие, а именно выпрыгивание кота, в какой-то степени, обусловлено предыдущим действием открывания окна. Иными словами кот смог выпрыгнуть из окна только после того, как окно было открыто, на что и указывает плюсквамперфект. Принимая во внимание подобного рода семантико-синтаксические отношения между двумя действиями в сложноподчиненных предложениях времени и применяя их к древнеанглийскому материалу, мы могли бы, в принципе, утверждать, что аналогичным образом можно было интерпретировать примеры (1), (7), в которых общая семантика предложения позволяет предположить, что *hæfdon*+причастие II выступает в таксисной функции. Но, во-первых, в количественном отношении такие примеры выступают скорее как исключение. И, во-вторых, об-

ращает на себя внимание, что во всех девяти примерах действия следуют незамедлительно друг за другом, а, следовательно, по логике мог бы быть использован претерит. Более того, из девяти примеров всего лишь три употребляются без дополнения – примеры (2), (5), (8), в двух употреблено указательное местоимение – (3), (9). Если принять во внимание результаты исследования К. Кэри, первыми процессу грамматикализации должны были подвергнуться глаголы ментальной деятельности и глаголы говорения, поскольку именно в семантике этих глаголов акцентируется действие, выполняемое для субъекта, но не на внешний объект. При этом автор утверждает, что «древнеанглийские перфектные конструкции были по существу все еще стательными» (Carey²⁹). Таким образом, из перечисленных примеров, в принципе, мы могли бы говорить о темпоральном, перфектном значении конструкции в примерах (5) и (8), в которых отсутствует дополнение, и глаголы указывают на выполнение действия самим субъектом для самого себя, т.е. создаются благоприятные условия для смещения акцента с состояния на действие. Остальные примеры вполне поддаются интерпретации, по которой конструкция выражает стательную семантику. Таким образом, с точки зрения семантики конструкции у нас нет оснований утверждать, что *hæfdon*+причастие II было полностью грамматикализовано и функционировало аналогично современному английскому плюсквамперфекту. Скорее, мы можем говорить о том, что конструкция передавала результативное состояние. При этом некоторые примеры явно указывают на процесс грамматикализации, через который проходила анализируемая конструкция на данном этапе.

В таком случае возникает вопрос: не может ли *hæfdon*+причастие II даже с результативной семантикой, в принципе, выполнять таксисную функцию. Ведь состояние объекта в результате завершенности действия, обозначенное до начала другого действия, по сути, логически указывает на последовательность действий. Мы полагаем, что на данный вопрос следует дать отрицательный ответ, поскольку в анализируемых примерах для выполнения таксисной функции конструкция все же должна указывать на действие, т.е. причастие должно восприниматься не как описание состояния объекта, но как действие, совершенное подлежащим, что большинство примеров не демонстрируют. В поддержку данной точки зрения существует ряд аргументов. Во-первых, в проанализированных нами текстах распространены примеры, в которых в двух однородных придаточных предложениях, следующих друг за другом, в одном употребляется конструкция с посессивным глаголом, во втором – претерит. Аналогичная дистрибуция характерна и для однородных глаголов. Приведем примеры:

- (11) & behydde his swiðran hand ofsceamod forðearle for þære morðdæde
þe he gedon hæfde, & for þam manslihte **þe he sloh** mid þære
 handa
 «и спрятал свою правую руку посрамленный сильно за те злодеяния, **которые он сотворил** и за те убийства, **которые он совершил** своими руками»

Перед нами два придаточных предложения определения идентичных друг другу, семантически друг от друга не отличающихся. И злодеяния и убийства совершены человеком до момента говорения, о чем говорит стыд, который он испытывал за их совершение. Как раз статальная резульативная интерпретация конструкции может объяснить ее подобное употребление: злодеяния, которые у человека были «на руках» к моменту говорения, т.е. обладание результатами совершенных злодеяний, причастность к ним субъекта действия. В таком случае, по сути, перед нами два однородных претерита, из которых один представлен резульативной конструкцией. Вероятно, функционально в таких случаях разница между простым претеритом и данной конструкцией все же существовала и сводилась к определенным текстовым прагматическим особенностям, выяснение которых должно стать темой для отдельного исследования. Не исключено, что в силу своего резульативного характера такое сочетание лексем могло использоваться для эмфатического выделения того или иного состояния или подведения итогов, обозначения кульминации событий, приводящих к тому или иному важному результату, состоянию. По всей видимости, к стилистико-прагматическим факторам следует отнести и тот факт, что в проанализированных нами текстах Вульфстана данная конструкция встречается всего лишь в трех примерах, в отличие от произведений аббата Эльфрика.

Второй пример интересен тем, что он поддается аспектуальной интерпретации контекста, в котором употребляется претерит наряду с анализируемой конструкцией.

- (12) Ða geseah seo cwen Saba Salomones wisdom. and þæt mære templ
ðe he getimbrod hæfde. and ða lac **þe man gode offrode**. and
 ðæs cynges menigfealdan ðenunga. and wæs to ðan swiðe ofwundrod
 «Тогда увидела королева Саба мудрость Соломона и большой храм, **который он построил**, и дары, **которые приносили люди**, и королевские разнообразные услуги и была тому немало изумлена»

С одной стороны, данные два придаточных предложения определения синтаксически равноправны. И в таком случае, данный контекст аналогичен примеру (11). Однако, с другой стороны, если предполагать, что оттенки способа действия при нейтральном кон-

тексте простым претеритом не выражались, тогда глагол *offrode* «предлагали» скорее стоит передавать несовершенным глаголом прошедшего времени в противовес аналогичному глаголу с приставкой *ge-* (*geoffrode*), который встречается в анализируемых нами произведениях. Использование претерита указывает тем самым на обычный повторяемый процесс, т.е. перед нами контекст с итеративным действием.

Что касается второго аргумента, мы полагаем, что аналогичные контексты с одним и тем же глаголом должны передаваться одной и той же формой, если же, конечно, речь идет о постоянной семантической функции, выражающей определенную грамматическую категорию. Так, в «Католических Гомилиях II» Эльфрика анализируемая конструкция используется в следующем контексте:

- (13) Sum hiredes hlaford **hæfde aplantod an fictreow** binnon his
wingearde
«У некоего владельца поместья в саду **было посажено фиговое дерево**».

Этот же контекст воспроизводится и в Уэссекском Евангелии от Луки, где мы встречаем:

- (14) sum man **hæfde an fictreow geplantod**
«У одного человека **было посажено фиговое дерево**».

Такое последовательное воспроизведение конструкции в (13) и (14) объясняется, на наш взгляд, следованием латинскому оригиналу, в котором употребляется аналогичная конструкция с посессивным глаголом *habebat quidam plantatam* (имел посаженным). Примечательно, что в среднеанглийском переводе того же самого Евангелия, а также в версии перевода короля Якова используется аналогичная конструкция: *had a fig tree planted*. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с сочетанием посессивного глагола в прошедшем времени и второго причастия, функционирующего в качестве результативной конструкции, поскольку именно отсутствие кореферентности подлежащего с агенсом действия было характерно для нее на ранних этапах развития. Такой тип результата У. Детгес называет Результатив I (Detges³⁰). Однако даже Результатив II по терминологии У. Детгеса, в котором агенс действия совпадает с подлежащим, и которое имеет наибольшее распространение в древнеанглийском, по-прежнему выражает статальную семантику и характерен для ряда языков, например, испанского, в котором эта семантика передается конструкцией *tener*+причастие II.

При этом другие контексты не показывают подобной последовательности в употреблении глагольных форм и анализируемой конструкции. Так, рассмотрим нижеследующие примеры:

(15) *ða bæR sum wudewe hire suna lic to bebyrgenne: Se hæfde gewifod þrittigum nihtum ær.*

«Тогда неслла одна вдова своего сына тело на погребение: он женился тридцать дней до этого».

(16) *Ða wæs an þyssera gebroþra philippus gehaten se gewifode on þæs cuninges dehter arethe arabiscre þeode: seo hatte herodias;*

«Был там один из тех братьев по имени Филипп, который женился на дочери короля арабского народа по имени Арет: звали ее Иродиада».

Оба контекста указывают на действие, прошедшее до момента речи, тем не менее, в (15) употребляется конструкция с посессивным глаголом, в (16) глагол с приставкой *ge-*. Аргумент, касающийся употребления наречия времени *ær* «до, ранее» не может служить доказательством обязательности употребления конструкции, так как, в целом, в древнеанглийских текстах разного периода существует непоследовательность в употреблении глагольных форм с наречиями типа *ær* (ср. Mitchell³¹).

Более того, некоторые наречия, которые в современном английском требуют употребления форм перфекта, в древнеанглийском употребляются с простым претеритом. Например,

(17) *Pa ða he swa lange fæste. ða geswutelode he ða miclan mihte: his godcundnyssse*

«После того, как он так долго постился, тогда проявил он огромную силу: своей божественной природы»

Наречие «так долго» требует в современном английском употребления перфектной формы, однако в древнеанглийском примере используется претерит.

Ну и наконец, еще один аргумент, который, как мы полагаем, может свидетельствовать в пользу того, что *hæfdon*+причастие II не выполняло таксисной функции, является сравнение древнеанглийских придаточных предложений с их современным переводом. Из выборки перевода претеритных форм в древнеанглийском – 12 текстов из «Католических Гомилий I» аббата Эльфрика – мы получили следующие результаты:

- Определительные предложения (союз *þe*) – 25 передаются перфектом и 23 претеритом;
- Определительные предложения (союз *hwæne*) – 1 передается перфектом;
- Предложения причины (союз *forþi ðe*) – 1 передается перфектом;
- Предложения дополнения (союз *þæt*) – 4 передаются перфектом, 8 передаются претеритом, 1 конструкция с посессивным глаголом передается перфектом;

Как показывает статистика, в современном английском степень передачи предпрошедшего действия гораздо выше, чем в древнеанглийском, хотя, по-прежнему, прошедшее время занимает около половины примеров в нашей выборке.

Таким образом, опираясь на вышеприведенные аргументы, можно сделать вывод о том, что в древнеанглийском конструкция *hæfdon*+причастие II не имела четких таксисных функций и не использовалась для акцентирования предшествования одного действия другому. Более того, результативный характер конструкции, даже при определенной степени грамматикализации посессивного глагола и смещении акцента на субъектно-акциональные отношения в ряде примеров, соотносится с тем фактом, что во многих случаях, как видно из таблицы 1, используются другие способы выделения глагольного действия, а именно, глаголы с приставкой *ge-*, одной из функций которой была передача результативного значения, завершенности действия, а также пассивные конструкции с глаголом *weardan*, в частности, в которых также прослеживается семантика завершенности и результативности действия. Такая ситуация вполне характерна для периода, когда то или иное грамматическое явление находится в состоянии изменения. Так, пример (5), который ниже для удобства приведен как пример (18), является иллюстрацией семантического и как результат функционального изменения конструкции.

(18) *Da ða adam agylt hæfde. ða cwæð se ælmihtiga wealdend him to*

В рамках теории грамматикализации предполагается, что в период, когда происходят семантические сдвиги внутри определенных грамматических явлений, которые порождают переразложение и возникновение нового смысла, новая грамматическая единица начинает употребляться в несвойственных для нее ранее контекстах. Такие случаи называются разговорными импликатурами, и связаны они с процессом субъективации (Hoppe and Traugott³² и Traugott³³). Конструкция, в которой действие, выполняемое субъектом, направлено не на внешний объект, но на самого себя (например, «грешит») по аналогии с интеллектуально-сенсорными глаголами, указывает на результирующее состояние субъекта. Такие глаголы, по-прежнему, указывают на состояние, однако в итеративно-дуративных контекстах они приобретают перфектное значение, которое поначалу фиксируется лишь как разговорные импликатуры, а в дальнейшем конвенциализируется (Carey³⁴). В наших примерах также встречаются подобные глаголы, в которых наиболее четко проявляется процесс «перфектизации» конструкции. Вероятнее всего, данные изменения протекали параллельно аналогичным

процессам, происходящим с презентным перфектом, но отличались лежащими в их основе механизмами. Так, в примере (18) значение предшествования действия может возникнуть вследствие нахождения безобъектного глагола в таком синтаксическом окружении, которое по своей природе указывает на следование одного действия за другим. Именно в подобном синтаксическом окружении конструкция *hæfdon*+причастие II могла претерпевать функционально-семантические изменения и развивать таксисную функцию.

Как отмечает О.А. Смирницкая, в древнеанглийском, как и в немецком «к очагу обособления...должны принадлежать все сочетания без прямого дополнения...Слабая синтаксическая опора сочетаний *habban*+Vp и большой очаг обособления благоприятствовали их интенсивному и полному включению в парадигму» (Смирницкая³⁵). При этом уничтожение в различии порядка слов в придаточных предложениях за счет особенностей подлежащно-сказуемой рамки приводит к неразличению идиоматичной и результативной конструкций (Смирницкая³⁶). Однако даже в таких контекстах мы все же не обнаруживаем употребления неопределенных глаголов, что свидетельствует о доминировании результативно-статальной семантики. В связи с этим возникает вопрос: каким образом происходит «темпоральный скачок», семантический сдвиг от результативности в сторону обозначения действия? Мы полагаем, что в отличие от презентного перфекта, в сфере формирования предпрошедшего времени большую роль сыграло взаимодействие семантики глаголов с непосредственным синтаксическим окружением (придаточные предложения времени с двумя следующими друг за другом действиями). Развившееся глагольное значение, первоначально указывавшее на совершенность действия, впоследствии приобрело таксисные характеристики. При этом пример с безобъектным глаголом, семантика которого указывает на результирующее состояние субъекта (*hæfde gewifod* «женился»), по-прежнему можно интерпретировать как результатив, поскольку он используется в менее маркированном в плане таксисных отношений синтаксическом окружении (простое предложение или придаточное предложение определения).

Предварительный вывод, касающийся ситуации в древнеанглийском языке, заключается в следующем: мы не можем говорить о сложившейся категории плюсквамперфекта в данном языке, как таковой, и ее манифестации посредством *hæfdon*+причастие II. Более того, вышеприведенные примеры могут также служить свидетельством того, что конструкция не была настолько грамматикализована, чтобы последовательно выражать таксисную функцию. Функциональные особенности конструкции в проанализированных нами древнеанглийских текстах свидетельствуют о том, что в боль-

шинстве случаев ее семантика не выходила за пределы стательной результативности.

3. Анализ древнесаксонского материала

Обратимся теперь к древнесаксонскому материалу. В «Хелианде» анализируемая конструкция чаще встречается в простом предложении или главной части сложноподчиненных предложений. В нашей выборке зафиксировано всего два примера придаточных предложений времени:

(19) *thô sie that geld **habdun**, erlos an them alaha, sô it an iro êuua gibôd, **gilêstid** te iro landuuîsun, thô fôrun im eft thie liudi thanan...*

«После того как они **воздали** плату людям в храме, как того требует их закон, по обычаям страны, тогда отправились они снова от тех людей прочь...»

(20) *That uerod ôðar bêd umbi thana alah ûtan, Eberéo liudi êr the frôdo man **gifrumid habdi** uualdandes uuilleon.*

«Другая часть народа толпилась возле храма снаружи, иудеи, до тех пор пока умудренный опытом человек не **свершил** волю всемогущего».

При этом (19) воспроизводит структуру древнеанглийского типа *þa ða... þa ða*. Как и в древнеанглийском, подобного рода синтаксическое окружение не всегда требует употребления анализируемой конструкции. Так, из 12 примеров использования данной синтаксической структуры в «Хелианде», в 9 случаях (как в главном, так и придаточном предложениях) употребляется глагол с приставкой *gi-*, а также два глагола с другими приставками – *antfeng* «брал», «хватал» и *afgaf* «отдал», «покинул»; в 2 примерах употреблен глагол, указывающий на изменение состояния – *uuard* «стал», «произошел». В остальных случаях используется симплексный претерит. Как видим, вышеприведенные примеры практически идентичны тем, которые мы встречаем в древнеанглийском.

Как и в древнеанглийском, в Хелианде зафиксированы примеры, которые находятся на более продвинутом этапе грамматикализации, хотя, по-прежнему, отражают стательную семантику конструкции. К подобным случаям можно отнести следующие примеры: *habdun gisprocan* «сказали», *habdun gehôrid* «услышали», *habda forsehen* «увидел».

Одним из аргументов в пользу грамматикализации посессивного глагола в анализируемой конструкции, являются примеры, когда с *habdun*+причастие II используется субъект, который, в принципе, не может выражать отношения обладания (см., например, Маслов³⁷, Denison³⁸). Например,

(21) *geng im thô bi ênes uuatares stade, thar thar habda Iordan aneban Galileo land ênna sê geuarhtan...*

«Пошел он тогда к месту у берега реки там, где Иордан возле земли Галилейской озеро **сотворил...**»

Так, в (21) с конструкцией используется подлежащее Иордан, река, которая согласно тексту создала озеро. Едва ли можно интерпретировать данный контекст в том ключе, что река владеет озером, которое находится в состоянии «созданности». Однако, здесь, как нам кажется, вопрос упирается в то, насколько широким или узким должно быть понятие посессивности. Если под посессивностью понимать исключительно физическое обладание, тогда мы вправе говорить о грамматикализации посессивного глагола в анализируемом примере. Если же грамматикализация проходила через несколько ступеней и в процессе утраты семантики посессивности происходило ее расширение до более-менее абстрактного понятия удержания или нахождения объекта в определенном состоянии (метафорическое расширение), тогда возможно использование таких субъектов действия, которые иначе не могли бы быть употреблены в таком контексте. В любом случае, подобного рода примеры, как и пример (18) в древнеанглийском, указывают на то, что конструкция явно находилась в процессе изменения.

В целом, в «Хелианде» наиболее частотен следующий вариант анализируемой конструкции: *than habdun*+причастие II «тогда», «затем»... или *habda tho*+причастие II «тогда», «затем». При этом, как правило, перед конструкцией в таком синтаксическом окружении и после нее идет событийное повествование, перечисление действий, выражаемых претеритными глаголами. Например,

(22) *That uuas Satanase tulgo harm an is hugi: afonsta hebanrikies manno cunnie: uueda thô mahtigna mid them selbon sacun sunu drohtines, them he Adaman an êrdagun darnungo bidrôg, that he uuarð is drohtine lêð, bisuuêc ina mid sundiun – sô uueda he thô selban dôn hêlandean Krist. Than habda he is hugi fasto uuidthana uuamscaðon, uualdandes barn herte sô giherdid: uuelda hebenriki liudiun gilêstean.*

«Сатана был сильно опечален: завидовал, что род людской был в царстве небесном, желал сильного, сына правителя, теми же самыми искушениями соблазнить, которыми он некогда Адама коварно обманул, чтобы тот стал печалью для своего господина, соблазнил его грехами – так хотел он сам поступить с спасителем Христом. **Тогда** он дух свой крепко против лукавого, сын всемогущего, сердце так **упрочил**: хотел царство небесное людям донести».

Именно в таком синтаксическом окружении, с нашей точки зрения, наиболее четко реализуется результативная семантика

конструкции: подчеркивается решимость, принятие какого-либо важного решения или свершение важного события. Само событие, выделяемое как некое пиковое событие, происходит на фоне незаметных, проходящих один за другим, менее важных действий, выражаемых претеритными формами.

О выполнении данной конструкцией результативной функции свидетельствует также и другой отрывок, в котором *habda*+причастие II следует сразу же за прямой речью.

(23) *Thar uuilliu ic imu an reht uuesan mildi mundboro, sô huemu sô minun hir uuordun hôrid endi thiu uuerc frumid, thea ic hir an thesumu berge uppan geboden hebbiu. Habda thô te uuârun uualdandes sunu gelêrid thea liudi, huô sie lof gode uuirkean scoldin.*

«Отныне хочу я ему должным образом быть милосердным покровителем, каждому, кто здесь мою речь внемлет и дела свершает, о которых я здесь на этой горе наверху прошу. **Научил** воистину сын всевышнего людей, как им хвалу Богу нужно воздавать».

Употребление конструкции в такой позиции говорит о том, что она не может функционировать как плюсквамперфект для обозначения предшествования одного действия другому. Очевидно, что и в данном примере она передает результативную семантику нахождения объекта в новом состоянии благодаря действию субъекта. При такой интерпретации причастие функционирует как ядро вторичной предикации. При этом отсутствие флексии у причастия необязательно свидетельствует о потере причастием предикативно-атрибутивной силы. То что, отсутствие согласования вряд ли может рассматриваться как показатель идиоматичности в древнеанглийском и древнесаксонском, в частности в «Хелианде», отмечает и О.А. Смирницкая: образование нефлективных причастий от «глаголов, обозначающих предельные процессы, ведущие к «наличию» объекта у лица (реже другого объекта), т.е. к «обладанию» в широком смысле слова» (Смирницкая³⁹), является свидетельством слабой степени идиоматичности анализируемой конструкции.

Еще одним аргументом в пользу того, что анализируемая конструкция не выполняла таксисную функцию, служат многочисленные примеры, в которых после *thô* следуют претеритные глаголы. Например,

(24) *thô bigan that folc undar im, uuerod uundraian, endi suma mid iro uuordun sprâkun...*

«Тогда начал тот народ между собой, толпа людей, дивиться, а некоторые говорили речи...»

В позициях аналогичных примеру (24) использование претеритных форм после наречия *thô* более ожидаемо в тех случаях, когда идет речь о перечислении каких-либо действий, которые опять же

выступают фоновыми событиями для того действия, которое отмечается анализируемой конструкцией. Таким образом, ситуация с *habda*+причастие II в древнесаксонском языке практически идентична в функционально-семантическом плане той, которую мы наблюдаем в древнеанглийском.

4. Выводы

Как показывает проанализированный материал, конструкция посессивного глагола в прошедшем времени и причастия II в древнеанглийском и древнесаксонском по своим функционально-семантическим характеристикам еще не являлась плюсквамперфектом, т.е. не выполняла таксисной функции. Несмотря на достаточно сложные темпоральные отношения в придаточных предложениях, в частности, предложениях времени в современном английском языке, при анализе функций данной конструкции в древнеанглийском и древнесаксонском языках контексты показали, во-первых, малый процент употребления конструкций в синтаксическом окружении, которое можно было бы интерпретировать с точки зрения таксисных взаимоотношений; во-вторых, предпрошедшие события довольно часто передаются другими грамматическими средствами (пассивными конструкциями, префиксальными глаголами), что указывает на отсутствие грамматически сложившейся категории таксиса, а также грамматической категории перфекта, за которой бы закрепились данная функция; в-третьих, современный английский язык в значительном количестве контекстов использует предпрошедшее время в тех случаях, когда в древнеанглийском используется претерит; ну и наконец, большинство контекстов употребления конструкции интерпретируются с точки зрения результативности с акцентом на последующем состоянии объекта или субъекта.

В ряде контекстов прослеживается достаточно высокая степень грамматикализации конструкции, что позволяет интерпретировать их как ранние примеры фиксации перфектного значения. Однако процесс конвенционализации подобного рода примеров в проанализированных нами текстах не выявлен, т.е. подобного рода контексты представляют явное меньшинство. В довершении всего, в игру вступают прагматические факторы, которые могут являться причиной использования конструкции (вместо префиксальных глаголов) для выделения достигнутого состояния, которое выдвигается на первый план на фоне разворачивающегося повествования.

В качестве материала для дальнейшего исследования развития и закрепления таксисной функции анализируемой конструкции, в частности в английском языке, было бы интересно проследить ее

функции в среднеанглийском, в котором она по единодушному мнению исследователей в полной мере развивается в перфект. Не менее интересным был бы также сравнительный анализ полученных результатов с исследованием ситуации в древневерхненемецком языке, в котором семантический статус и функционирование аналогичной конструкции также вызывают споры среди лингвистов (ср., например, Larsson⁴⁰).

Примечания:

- 1 Смирницкая О.А. Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М.: Наука. 1977. С. 27-35.
- 2 Ильиш Б.А. История английского языка. М.: Высш. школа. 1968. С. 133.
- 3 Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. / Сост. и ред. А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плунгян; Вступит, ст. А. В. Бондарко, Н. А. Козинцевой, Т. А. Майсака, В. А. Плунгяна. М.: Языки славянской культуры. 2004. С. 256-258.
- 4 Traugott E. C. Syntax. In: The Cambridge History of the English Language. Volume 1: The Beginnings to 1066. Ed. by Richard M. Hogg. Cambridge University Press. 1992. P. 190-193.
- 5 Bybee J. L., Perkins R., and Pagliuca W. The Evolution of Grammar: Tense, aspect and mood in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press. 1994. P. 68-69.
- 6 Mitchell B. Old English Syntax, I-II. Oxford: Clarendon Press. 1985. P. 292.
- 7 Carey K. Pragmatics, Subjectivity and the Grammaticalization of the English Perfect. PhD dissertation, University of California at San Diego. 1994.
- 8 Hoffmann G. Die Entwicklung des umschriebenen Perfekts im Altenglischen und Frühmittelenglischen. Breslau dissertation. 1934.
- 9 Visser T. Th. An Historical Syntax of the English Language. Part I, Vol. 2. Leiden, The Netherlands: E J. Brill. 1973.
- 10 Carey K. Op. cit. P. 28.
- 11 Mitchell B. Op. cit. P. 292-293.
- 12 Смирницкая О.А. Указ. соч. С. 31,33.
- 13 Brinton L. The Development of English Aspectual Systems. Cambridge: Cambridge University Press. 1988.
- 14 Wischer I. The HAVE-‘perfect’ in Old English. In: Christian Kay (ed.), New Perspectives on English Historical Linguistics. Selected Papers from 12 ICEHL, Glasgow, 21-26 August 2002. Volume 1: Syntax and Morphology. Philadelphia: John Benjamins. 2004. pp. 243–255.
- 15 Lee, J.-H. Periphrastic Perfect Tense in English: A Historical Perspective. A Dissertation. The University of Texas at Austin. 2004.
- 16 Ibid. P. 69-107.
- 17 Brinton L. Op. cit. P. 100-101.
- 18 Denison D. English Historical Syntax: Verbal Constructions. London: Longman. 1993.

- ¹⁹ *Oubouzar E.* Über die Ausbildung der zusammengesetzten Verbformen im deutschen Verbsystem. Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literature (Halle) 95. 1974. S. 5-96.
- ²⁰ *Смирницкая О.А.* Основные синтаксические источники перфекта в древне-исландском языке // Вестник МГУ. Сер. 7. Филология, журналистика. № 3. 1964. С. 47-59.
- ²¹ *Comrie B.* Aspect. Cambridge: Cambridge University Press. 1976. P. 53-56.
- ²² *Плунгян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 269-270.
- ²³ *MacLeod M.* The Perfect in Old English and Old Saxon: The Synchronic and Diachronic Correspondence of Form and Meaning. A dissertation. St. John's College. 2012. P. 53.
- ²⁴ *Watts Sh.* How to become an auxiliary: Progressive and perfect in Old Saxon. Zur Verbmorphologie germanischer Sprachen, ed. by Sheila Watts, Jonathan West, and Hans Joachim Solms, Tübingen: Niemeyer. 2001. P. 117-35.
- ²⁵ *Scherer Ph.* Aspect in the Old English of the Corpus Christi MS, Language, 34. 1958. P. 245-51.
- ²⁶ *McFadden Th.* Preverbal ge- in Old and Middle English. // Сайт Центра общего языкознания. [Berlin, 2015]. URL: http://www.zas.gwz-berlin.de/fileadmin/mitarbeiter/mcfadden/ge_writeup.pdf. (дата обращения: 15.11.2015).
- ²⁷ *Godden M. R.* In: The Cambridge History of the English Language; Volume I, ed. by Richard M. Hogg. Cambridge University Press. 1992. P. 530.
- ²⁸ *Trobevšek-Drobnak F.* The Old English preverbal ge- in the light of theory of language changes as strengthening or weakening. Studia Anglica Posnaniensia, 28. 1994. P. 128, 140-141.
- ²⁹ *Carey K.* Op. cit. P. 45.
- ³⁰ *Detges U.* Time and truth: The grammaticalization of resultatives and perfects within a theory of subjectification. Studies in Language 24:2. 2000. P. 348-350.
- ³¹ *Mitchell B.* Op. cit. P. 248-249.
- ³² *Hopper, P. J., and Traugott E.C.* Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press. 1993. P. 80-82.
- ³³ *Traugott E.C.* Subjectification in grammaticalisation. In: Subjectivity and Subjectivisation. Ed. by Stein D. and Wright S. Cambridge University Press. 1995. P. 31-54.
- ³⁴ *Carey K.* Op. cit. P. 148-154.
- ³⁵ *Смирницкая О.А.* Эволюция видо-временной системы в германских языках. С. 49.
- ³⁶ *Смирницкая О.А.* Происхождение аналитической формы перфекта в древних германских языках: Автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата филол. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 1965. С. 18.
- ³⁷ *Маслов Ю.С.* Указ. соч. С. 259.
- ³⁸ *Denison D.* Op. cit. P. 341.
- ³⁹ *Смирницкая О.А.* Эволюция видо-временной системы в германских языках. С. 47-48.
- ⁴⁰ *Larsson I.* Participles in Time. The Development of the Perfect Tense in Swedish. A Dissertation. Göteborgs Universitet. Acta Universitatis Gothoburgensis. Göteborg. 2009. P. 118-120.